

Никитский Александр Иванович

**Очерк внутренней истории церкви в
Великом Новгороде**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович Н.**
Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде / Никитский Александр Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 220 с.

ISBN 978-5-519-99673-0

ISBN 978-5-519-99673-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВЪ ВЕЛИКОМЪ НОВГОРОДѢ.

I.

Утвержденіе христіанской церкви въ Великомъ НовгородѢ. (X—XII в.).

Восподствовавшее въ древней Руси язычество далеко не отличалось такимъ сильнымъ развитіемъ, какое замѣчается у многихъ другихъ историческихъ народовъ. Оно только еще вступило въ періодъ антропоморфизма и выражало это вступленіе размѣщеніемъ человѣкообразныхъ идоловъ въ важнѣйшихъ религіозныхъ центрахъ. А при слбомъ развитіи антропоморфизма не могло быть ни храмовъ, которые служили бы покровомъ для языческой святыни, ни—что еще важнѣе,—самостоятельнаго жреческаго званія, не могло быть, слѣдственно, класса лицъ, въ прямомъ интересѣ котораго было бы всѣми силами поддерживать старыя, наслѣдованныя отъ предковъ порядки вещей. Самое большее, что можно было тогда встрѣтить, это — волхвовъ, которые, конечно, тоже должны быть отнесены къ числу представителей старой религіи, но только совершенно въ иномъ, нежели жрецы, смыслѣ. Различіе между жрецами и волхвами видно уже въ томъ, что въ языческія времена они нерѣдко одновременно существовали другъ подле друга; сущность же различія заключается въ томъ, что, противоположно жрецамъ, волхвы не имѣли назначенія правлять службы въ честь того или другаго божества и потому не могутъ считаться особенными, самостоятельными органами древняго

богослуженія. Они были только исполнителями тѣхъ дѣйствій языческаго культа, которыя были доступны не каждому, которыя, какъ напримѣръ, предсказываніе и толкованіе знаменій, требовали особеннаго дарованія. Это были люди, которые умѣли не только узнавать волю боговъ, но и управлять ею, которые въ случаѣ надобности могли перехитрить боговъ или даже употребить противъ нихъ силу. Какъ представители языческой религіи, волхвы, конечно, не могли относиться равнодушно къ религіознымъ нововведеніямъ и не отказывались по временамъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ послѣднихъ. Но серьезное значеніе эта враждебность не могла получить уже по той причинѣ, что между волхвами не было никакой организаціи: это были отдѣльныя единицы, не связанныя между собою никакими узами.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, было бы странно ожидать, чтобы язычество явило собою на Руси примѣръ дѣятельнаго сопротивленія при встрѣчѣ съ христіанствомъ. И дѣйствительно, наблюдая процессъ начальнаго водворенія христіанства на Руси, мы нигдѣ не видимъ язычества въ дѣятельной борьбѣ съ новымъ вѣроученіемъ. Напротивъ того, какъ бы сознавая свою слабость, язычество вездѣ безъ боя очищало для христіанства поле дѣйствія. Не только въ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему древнерусскихъ земляхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ сѣверо-восточныхъ краяхъ христіанство получало господство безъ всякихъ столкновеній съ народною массой. Это общее замѣчаніе примѣняется вполне и къ Великому Новгороду. Правда, многіе ученые, въ томъ числѣ гг. Соловьевъ и Костомаровъ, не только говорятъ о противодѣйствіи новгородскаго язычества водворенію христіанства, не только считаютъ себя въ правѣ передавать всѣ подробности происходившей между ними борьбы, но и вообще склонны смотрѣть на утвержденіе христіанства въ Новгородѣ, какъ на дѣло проповѣдниковъ особеннаго рода, какъ на подвигъ Владиміровыхъ полковъ ¹⁾. Однако данныя, на которыхъ они основываютъ свои заключенія, являются слишкомъ шаткими и неубѣдительными, и не могутъ заставить насъ усомниться въ мирномъ распространеніи христіанства и въ Новгородѣ. Якимовская лѣтопись, откуда почерпаются свѣдѣнія о сопротивленіи язычества въ Новгородѣ, отличается такимъ мутнымъ характеромъ, что было бы уже давно пора совсѣмъ исключить ее

¹⁾ Исторія Россіи, I, 186—187; Сѣверно-русскіе народоправства, I, 37.

изъ числа источниковъ по новгородской исторіи ¹⁾). А за устраненіемъ Якимовской лѣтописи, у насъ для составленія понятія объ отношеніи язычества къ христіанству въ Новгородѣ имѣется всего только одинъ мѣстный новгородскій миѣ, представляющій не историческую, а только образную картину паденія новгородскаго язычества. Но вопреки увѣренію г. Костомарова, даже и этотъ миѣнскій источникъ ничего не говоритъ въ пользу дѣятельнаго сопротивленія язычества въ Новгородѣ; ²⁾). Лѣтописное извѣстіе о крещеніи народа въ Кіевѣ сообщаетъ намъ, что жители города по крайней мѣрѣ выражали плачемъ свое пассивное сопротивленіе поруганію Перуна. Ничего подобнаго въ Новгородѣ мы не видимъ. Нѣтъ сомнѣнія, новгородскій божокъ выказываетъ въ преданіи болѣе энергіи, чѣмъ кіевскій. Когда Перунъ, повязанный веревками, былъ съ пинками и ударами палокъ влекомъ со своего мѣста на Перыни къ Волхову, то бѣсъ, вошедшій въ него, кричалъ: „О, горе мнѣ, ахъ, попался я въ руки немилостивыхъ людей!“ Плывъ затѣмъ подъ Волховскимъ мостомъ, Перунъ бросилъ на него свою палицу; какъ бы завѣщая тѣмъ Новгородцамъ усобицы на этомъ самомъ мосту въ наказаніе за ихъ отступленіе отъ старой религіи. Но что въ миѣ самое главное, — отношеніе новгородскаго населенія къ низвергнутому идолу, оно вездѣ является крайне враждебнымъ. Въ особенности ясно эта враждебность видна изъ послѣдняго разказа о судьбѣ Перуна: когда именно несчастный божокъ попробовалъ было пристать къ берегу у Пидьбы (рѣки, впадающей въ Волховъ съ лѣвой стороны ниже Новгорода), то Пидьблиннъ, пришедшій на рѣку съ цѣлью вести на лодкѣ въ городъ горшки, увидѣвъ его, оттолкнулъ шестомъ и сказалъ: „Довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, плыви теперь прочь“ ³⁾).

¹⁾ Разборъ сказанія Якимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода см. въ приложеніи I-мъ.

²⁾ Сѣверно-русс. народопр. II, 261.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 207, 988 г.: «И прииде епископъ Іоакимъ, и требища разори и Перуна постъче, что въ Великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлести въ Волховъ; и повязавше ужи, влачаху ѿ казу, біюще жезломъ и пхающе, и въ то время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и нача кричати: о горе мнѣ, охъ, достался немилостивымъ судіямъ симъ! — и вринуша его въ Волховъ. Онъ же плывающе сквозъ великій мостъ, верже палицу свою на мостъ, ею же безуміи убивающеся, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда никому же видѣти не переняти его. И иде Пидьблиннъ рано на рѣку, хотя горницы везти

Но хотя язычество въ древней Руси и не имѣло вообще дѣятельной силы для борьбы съ христіанствомъ, тѣмъ не менѣе успѣхъ, сопровождавшій утвержденіе послѣдняго, былъ въ разныхъ краяхъ Россіи далеко не одинаковъ. На югѣ Россіи, и въ особенности въ Кіевѣ, дѣло обращенія язычниковъ въ христіанство совершилось сравнительно не только легко, но и довольно основательно. Такой оборотъ дѣлъ былъ обусловленъ тамъ значительною предварительною подготовкой, бывшею слѣдствіемъ близкаго сосѣдства и частыхъ военныхъ и торговыхъ сношеній съ Греками. Благодаря этому обстоятельству, еще задолго до своего официальнаго признанія господствующею религіей, христіанство имѣло въ Кіевѣ не только своихъ приверженцевъ, но и свои храмы. Въ другихъ условіяхъ находился Великій Новгородъ. Отдаленный большимъ пространствомъ отъ центра христіанской жизни и даже отъ Кіева, онъ тѣмъ самымъ былъ лишенъ подготовительнаго вліянія, которое впоследствии облегчило бы окончательное утвержденіе въ немъ христіанства. Христіанство было тамъ явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ официальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны, но извѣстной намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало ¹⁾. А какъ явленіе новое, не подготовленное свободнымъ распространеніемъ новой вѣры, христіанство долгое время не могло быть въ Новгородѣ ни достаточно прочнымъ, ни достаточно глубокимъ. Оно не могло быть достаточно прочнымъ потому, что при свѣжести языческихъ преданій новообращенные христіане легко поддавались вліянію ревнителей старины и начинали колебаться въ привязанности къ новой вѣрѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ. Въ Кіевѣ появленіе волхва, начавшаго возвѣщать о скоромъ наступленіи времени, когда послѣдуетъ премѣненіе странъ, и когда Греческая земля станетъ на мѣсто Русской, и Русская — на мѣсто Греческой, не сопровождалось никакими смятеніями: волхва слушали только простые люди, а вѣрные смѣялись и говорили: „Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ“ ²⁾. Напротивъ того, въ Новгородѣ когда въ княженіе Глѣба

въ городъ, и Перунъ приплылъ къ берегу, къ бервы, и отрину его шестомъ, и рече ему: Перунице! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ прочь плыви»...

¹⁾ Разборъ мнѣній о двукратной проповѣди христіанства въ Новгородѣ см. въ приложеніи II-мъ.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 170, 1071 г.

явился волхвъ, и превознося собственное ^{во}дѣвѣніе и способность творить чудеса, сталъ хулить христіанскую вѣру, то встрѣтилъ общее сочувствіе. Около Новгородскаго епископа Θεодора, вышедшаго въ церковномъ облаченіи увѣщевать отпавшихъ, собрались только князь Глѣбъ да его дружина; вся же остальная масса новгородскаго народонаселенія пристала не колеблясь къ волхву. Въ этомъ затруднительномъ положеніи, грозившемъ Новгородскому владыкѣ серьезною опасностью, только рѣшительность князя Глѣба спасла, по разказу лѣтописца, дѣло христіанства: спрятаннымъ на случай топоромъ Глѣбъ разсѣкъ волхва, собиравшагося сотворить великія чудеса, перейти на глазахъ у всѣхъ рѣку Волховъ, и тѣмъ остановилъ дальнѣйшее развитіе мятежа ¹). Въ ближайшихъ однако къ центру церковной жизни мѣстностяхъ, то-есть, въ самомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ, христіанское усиліе мало по малу все болѣе и болѣе входило въ сознаніе массы народа и тѣмъ самымъ все болѣе и болѣе торжествовало надъ язычествомъ. Какую перемѣну въ понятіяхъ Новгородцевъ должны мы предположить, если сопоставимъ съ разказомъ о князѣ Глѣбѣ поступокъ Новгородцевъ съ волхвами въ 1227 году: волхвъ при Глѣбѣ чуть не совратилъ въ язычество всю массу новгородскаго населенія, а въ 1227 году мы не только не слышимъ ни о какихъ успѣхахъ волхвовъ между жителями вольнаго города, но и читаемъ извѣстіе, что Новгородцы сжигаютъ на Ярославомъ дворѣ четырехъ кудесниковъ почти ~~на~~ безъ всякаго изслѣдованія дѣла: разница огромная ²)!

Но, если внѣшнее торжество надъ язычествомъ доставалось уже не безъ особеннаго труда, то еще труднѣе было восторжествовать надъ нимъ внутренне, истребить въ умахъ новообращенныхъ христіанъ всѣ остатки прежней религіи. Неудивительно поэтому, что

¹) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 175—176, 1071 г.: «Сице бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новгородѣ, глаголетъ бо людемъ, творяся акы Богъ, (и) многы прелести, мало не всего града, глаголашеть бо, яко проведе вся и хуля вѣру христіанскую, глаголашеть бо: яко преиду по Волхову предъ всѣми». И бысть мятежь къ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста, рекъ: «иже хоцетъ вѣру яти волхву, то да идетъ зань; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася на двое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а люде вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими»...

²) П. С. Р. Л., III, 42, 1227: «сѣжгоша вѣлхвы 4, творяхуть ѿ потворы дѣюще, а Богъ вѣсть; и сѣжгоша ихъ на Ярославли дворѣ».

подъ внѣшнимъ христіанскимъ покровомъ еще долго скрывался густой слой языческихъ вѣрованій, и что вслѣдствіе того новообращенные долгое время казались какъ бы двоевѣрными. На верху, въ общественной жизни, несомнѣнно преобладало христіанство; но въ частномъ быту, гдѣ въ древности сосредоточивалось храненіе языческаго культа, и гдѣ каждый родоначальникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ, язычество долго сохраняло еще значительную силу. Такъ общественные языческіе идолы были ниспровергнуты, и князь не приносилъ имъ уже болѣе жертвы; но въ тиши домашней жизни ничто не препятствовало обращаться съ чествованіемъ не къ христіанской святынѣ, а къ жившимъ въ народной памяти домашнимъ языческимъ божкамъ, Роду и Роженицамъ, и приносить имъ въ жертву хлѣбъ, сыры и медъ ¹⁾. Старые языческіе обряды были подвергнуты преслѣдованію въ публичной сферѣ, но они продолжали жить въ частномъ быту и даже вкрадывались въ обрядовую сторону христіанской церкви. Въ язычествѣ, напримѣръ, существовалъ обычай хоронить мертвыхъ не иначе, какъ съ извѣстными вещами, пригодными для умершихъ въ ихъ загробной жизни; новообращенные перенесли этотъ обычай и на христіанское погребеніе и стали класть съ умершими иконы. Церковная власть, правда, не считала этого явленія предосудительнымъ и не требовала обратнаго изыятія иконъ изъ могилъ; тѣмъ не менѣе простые толки о степени законности существованія такого обыкновенія показываютъ, что для христіанской церкви это былъ совершенно чуждый обычай ²⁾. Значеніе волхвовъ, конечно, было сильно поколеблено съ общественной жизни; но въ частномъ быту религіозное чувство имѣло полный просторъ и побуждало, напримѣръ, матерей приносить своихъ больныхъ дѣтей не къ христіанскимъ священникамъ для молитвы, а къ блюстителямъ старой религіи, къ волхвамъ ³⁾. Вообще, послѣдніе и при господствѣ новой религіи умѣли сохранить за собою значительную долю вліянія. Быть можетъ, на развитіе въ Новгородской жизни волхвованія не осталось безъ вліянія присутствіе въ Новгородской землѣ массы финскаго населенія, кото-

¹⁾ *Калайдовичъ*, Пам. XII в., стр. 179: Аже се роду и рожаницѣ краютє хлѣбы и сыры и медъ. Бороняше велми: нѣгдѣ, рече, молвить(ся?): горе пьющимъ рожаницѣ.

²⁾ Тамъ же, стр. 184: «Икону погребли бяху съ мертвецемъ святаго Михаила, и не повелѣ възгребати: крестьянѣ, рече, естъ».

³⁾ Тамъ же, стр. 202: «А еже дѣтій дѣла жены творять что-любю; а ежъ възбалять, или къ възхвамъ несутъ, а не къ попови на молитву?»

рое какъ вообще славилось своими волхвами и вѣдунами, такъ въ частности пользовалось этою славой и у Новгородцевъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, указывающій на склонность Новгородцевъ обращаться къ чудскимъ кудесникамъ съ цѣлю узнать непостижимое ¹⁾. Какъ бы то ни было, только волшебство въ его разныхъ видахъ пользовалось въ Новгородѣ большимъ распространеніемъ. Басни, примолвленья, пользование узлами и приворотными травами и вареньями, вороженъе и т. д. ²⁾ могутъ служить примѣрами господствовавшихъ въ Новгородѣ въ теченіе всей его исторіи суевѣрій.

Еще болѣе, чѣмъ въ собственно религіозной жизни, сила язычества поддерживалась въ нѣкоторыхъ сторонахъ жизни соціальной, въ тѣхъ именно, которыя вообще стоятъ въ тѣсной связи съ религіей. Къ числу такихъ областей нужно отнести жизнь семейную и народныя увеселенія. Какъ извѣстно, въ періодъ язычества существовали двѣ формы брака, въ основаніи которыхъ лежало одинаково начало взаимнаго согласія (mutuus consensus) вступающихъ въ бракъ: формами этими были веденіе и умычка, различавшіяся тѣмъ, что въ первомъ случаѣ бракъ совершался съ согласія родителей, а во второмъ — совершенно не требовалось послѣдняго. Умычка въ свою очередь подраздѣлялась на два вида: на умычку на игрищахъ между селами, предполагавшую по крайней мѣрѣ согласіе жениха и невѣсты на бракъ, и на умычку у воды, представлявшую не что иное, какъ простое похищеніе женъ. Съ водвореніемъ христіанства, принявшаго семейный бытъ подъ свое особенное попеченіе, всѣ эти формы брака должны были уступить свое мѣсто церковному благословенію. Но церковное вѣнчаніе водворялось однако съ трудомъ. Въ обществѣ, кажется, господствовало убѣжденіе или предразсудокъ, что христіанская форма брака обязательна только для князей и знатныхъ людей. Что же касается до массы простаго народа, то полагалось, что при вступленіи въ бракъ она можетъ довольствоваться простыми, наслѣдованными отъ старины формами, минуя совершенно священническое благословеніе на глазахъ у всѣхъ въ церкви. Какъ бы то ни было, но мы дѣйствительно встрѣчаемъ въ Новгородѣ подобное заключеніе брака веденіемъ и умычкой. На первое указываетъ заключеніе брака

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 174, 1071 г.: «приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чюдъ, и приде къ кудеснику, хотя волхвованья отъ него»...

²⁾ А. А. Э., I, 462 № 369, 1410 г.: «Такожъ учите ихъ, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не принимали, ни узловъ, ни примолвленья, ни зелья, ни вороженья... См. также П. С. Р. Л., IV, 279, 1505.

„именемъ и плесканіемъ“, то-есть, домашнимъ торжествомъ, на которомъ оглашались новобрачные и были привѣтствуемы окружающими плесканіемъ, то-есть, по всей вѣроятности, хлопаніемъ въ ладоши ¹⁾. Что же касается умычки, то есть извѣстіе, что въ новгородскихъ предѣлахъ еще въ XIII столѣтіи существовалъ обычай видѣть не-вѣсть къ водѣ и возбуждалъ противъ себя громкія порицанія со стороны церковной власти, очевидно, какъ противъ формы брака, несогласной съ обычаями христіанской церкви ²⁾. Далѣе, всѣмъ извѣстно, что въ язычествѣ имѣло мѣсто многоженство. И вотъ, не смотря на водвореніе христіанства, мы видимъ, что церковныя правила по отношенію къ супружескому союзу соблюдаются очень слабо, и что семейная жизнь Новгородцевъ иногда мало отличается отъ временъ язычества. Въ Новгородѣ нерѣдки были случаи, что міряне не только вступали въ четвертый бракъ, но и разводились съ женами, бросали своихъ и брали чужихъ и даже къ вѣщему соблазну возвращались къ многоженству, имѣли одновременно по двѣ жены ³⁾. Распушенность новгородской семейной жизни была вообще такъ сильна, что проникла даже въ жизнь новгородскаго духовенства и повела, какъ увидимъ впоследствии, къ возникновенію вопроса о вдовствующихъ священникахъ.

Не менѣе ярко продолжали жить языческія преданія и въ народныхъ увеселеніяхъ, которыя, служа остатками языческихъ религіозныхъ торжествъ, необходимо сохраняли на себѣ многіе слѣды своего древняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что обличенія духовныхъ пастырей очень часто преслѣдовали въ народныхъ увеселеніяхъ и такія черты, которыя не имѣли никакой связи съ языче-

¹⁾ *Русск. Достоп.*, I, 101—102, конца XII в.: «Яко же еси реклъ, оже не бывають на простыхъ людехъ благословеніе вѣнчання, но бояре токмо и князи вѣнчаются; простымъ же людемъ яко именъъ и плесканиемъ разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простии закони простыемъ и невѣжамъ си творять совокупленіе. Иже кромѣ божественныя церкви кромѣ благословенія творяще свадьбу, тайно поминаніе наречеть, иже тако поймають, якоже блуднымъ опитемъ дають».

²⁾ *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, XIII в.: «и се слышахомъ: въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ; и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ».

³⁾ *Русск. Достоп.*, I, 94, конца XII в.: «И иже поймаются безъ благословенія съчтаніе и жены отиѣтаются и своя жены пуцають и прилѣпляются инѣмъ?» Тамъ же, I, 91: «Тоже створи (то-есть, лиши причащенія), иже бес труда и безстраха и безрама двѣ женѣ имѣють, кромѣ сея вѣры нашея»...

ствомъ и вообще носили совершенно невинный характеръ. Достаточно указать на то, что обличители постоянно нападали на безыскусственную музыку, бубны, сопѣли, гуденіе струнное, на всякія пляски со свистаніемъ, кличемъ и воплемъ и на распѣванье „скверныхъ бѣсовскихъ пѣсень“. Быть можетъ, побужденіемъ къ порицанію въ этомъ случаѣ служило то обстоятельство, что при перѣдкомъ совпаденіи народныхъ увеселеній съ христіанскими праздниками, всѣ эти забавы находились въ противорѣчій съ тѣмъ образомъ поведенія, какой приписывался на это время христіанскою церковью. Какъ бы то ни было, по несомнѣнно также и то, что народные увеселенія представляли для обличителей не мало и дѣйствительно языческой нищи. Прежде всего, достаточный поводъ къ преслѣдованію подавала пастырямъ уже та масса языческихъ суевѣрій, которая по старинѣ связывалась съ этими увеселеніями, а именно—искаііе травъ и кореньевъ, которые должны были служить приворотными средствами въ разныхъ житейскихъ случаяхъ ¹⁾. Но еще болѣе негодованіе пастырей вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что къ народнымъ торжествамъ примѣшивались старинные обычаи, рѣзко расходившіеся съ началами христіанской церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ народныхъ увеселеній Новгородской земли нельзя не узнать подобія, или по крайней мѣрѣ, слѣдствія умычки на игрищахъ между селами, господствовавшей въ древнѣйшее время. Владимірскій соборъ 1274 года, уподобляя игрища, которыя имѣли мѣсто въ Новгородѣ въ XIII столѣтіи въ ночь съ субботы на воскресенье, греческому Діонисіеву празднику, говоритъ, что на нихъ мужчины и женщины, собравшись вмѣстѣ, ристали и ржали, какъ кони, и дѣлали скверну ²⁾. Въ чемъ состояла эта скверна, поясняетъ отчасти празднество, происходившее во Псковѣ еще въ XVI столѣтіи въ ночь на день св. Іоанна Предтечи. Пѣсни и пляски, которыми открывалось тамъ игрище, кончались дѣйствіями, въ которыхъ порицатели видѣли паденіе му-

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 279, 1505: „еще прежде того великаго праздника, исходятъ огавницы мужіе и жены, чаровницы, по дугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищущи смертныя травы и привѣ то чрева... Ту же и дѣлаютъ кореніи копають на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творить дѣйствомъ діаволамъ въ день Предтечевъ, съ приговорами сотонинскими».

²⁾ *Востоковъ*, Опис. Рукоп. Рум. Муз., 321, 1274 г.: „Се слышахомъ: въ субботу вечеръ обираются мужи и жены вкупѣ и играютъ безстыдно и скверну дѣютъ. внощъ святаго воскресенія. яко діонисовъ праздникъ празднуютъ нечистивыи елліни вкупѣ, мужи и жены, яко и кони вискають и ржутъ и скверну дѣютъ“.

жей и отроковъ, оскверненіе замужнихъ женщинъ и растлѣніе дѣвицъ ¹⁾). Наравнѣ съ игрищами, служившими остатками языческихъ праздниковъ, церковные пастыри находили основаніе возставать и противъ другихъ языческихъ новгородскихъ обычаевъ, въ особенности же противъ обычая „бить бочки“. Г. Костомаровъ полагаетъ, что подъ этими словами разумѣется народная игра попадать въ бочки, употребительная у Хорутанъ и до сихъ поръ ²⁾). Почтенный изслѣдователь новгородской старины однако ошибается. Подъ битьемъ бочекъ разумѣлся въ древности обычай, связанный съ торжествомъ приготовленія прохладительныхъ напитковъ. Какъ скоро именно при приготовленіи пива, меду и квасу дѣло доходило до извѣстнаго, важнаго въ производствѣ термина, какъ на примѣръ, до сливанія, то окружающіе поднимали страшный шумъ: били въ бочки и кричали громко, призывая и величая тѣмъ языческихъ божковъ, между прочимъ и божка кваса. Противъ этого-то величанія пьянства и возставали духовные пастыри, и сколько мы знаемъ, не совсѣмъ безуспѣшно. По крайней мѣрѣ, лѣтопись говоритъ намъ, что въ 1358 году Новгородцы постановили рѣшеніе не бить далѣе бочекъ ³⁾). Поводомъ къ такому стремленію послужило, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ порицаніе противъ этого обычая со стороны представителей церкви. Но уничтоженный въ самомъ Новгородѣ, обычай этотъ продолжалъ жить, вѣроятно, въ его областяхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ господствовалъ въ нѣкоторыхъ краяхъ Русской земли еще въ XVI столѣтіи и былъ причиною новыхъ обличеній со стороны церкви ⁴⁾).

Слабость сознанія началъ христіанской религіи препятствовала Новгородцамъ быть ревностными распространителями христіанства въ областяхъ, подчиненныхъ ихъ вліянію. Но за то, въ сравненіи съ

¹⁾ П. С. Р. Л., IV, 279, 1505 г.: «ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, такоже есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе».

²⁾ Сѣверно-русс. Народопр., II, 161.

³⁾ П. С. Р. Л., IV, 63, 1358 г.: „Того же лѣта цѣловаша бочекъ не бити“. Ср. Никои., лѣтоп. III, 211.

⁴⁾ Стоглавъ, гл. 93, стр. 397: „и надъ дельми сирѣчь надъ бочками и корчагами квасъ призывающе и грохочуще“. Тамъ же, стр. 399: „егда же вино топчють или егда вино въ сосуды преливають или иное кое питіе сливають. гласованіе и вопль велій творять неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести. еллинскаго бога Диониса пьянству учителя призывають. и гласящи великимъ гласомъ квасъ призывають и вкусъ услаждаютъ и пьянство величаютъ“.